

Не сказать, чтобы он вообще ничего не знал: родители Сюй Юаня регулярно звонили и приходили, рассказывая о его состоянии, да и сам Сюй Юань время от времени присылал письма с детальнейшими описаниями жестоких способов убийства — как выбрать место, как комбинировать орудия, чтобы причинить жертве максимальные психологические страдания, как оставаться в слепой зоне полиции...

Такое точное понимание человеческой психологии заставляло Пэн Цзэфэна серьёзно сомневаться: а не раскусил ли его мальчишка? Может, тот просто ради забавы несколько месяцев водил его за нос? Или, возможно, ребёнок и не хотел никого убивать — просто ему нужен был кто-то понимающий, чтобы поиграть.

Но в том ребёнке всегда сквозила какая-то сдерживаемая боль... Появление такой, казалось бы, невозможной эмоции не могло не тревожить...

Вернувшись из раздумий, Пэн Цзэфэн вновь сосредоточился на человеке перед собой.

— Деньги для меня ничего не значат. Если не хотите брать — пожертвуйте. Но я уверен, что с моей проблемой вы справитесь идеально, — сказал Гу Уюань.

На самом деле, Гу Уюань и правда жертвовал огромные суммы — он, кажется, постоянно занимался благотворительностью.

Ему повезло: он прославился почти сразу после дебюта. Его группа заполнила пустующую нишу на рок-сцене страны, и теперь их музыка была известна не только в Китае, но и во всём мире.

Первые деньги он отправил в глухую горную деревушку — говорят, тамошние дети учились в полуразвалившейся школе.

Вторая сумма была в десятки раз больше, и, как раз выпав в отпуск, он сам отправился в один отдалённый район, пожил там несколько дней, потратив меньше сотни юаней. Затем примерно прикинул, как распределить эти деньги между местными жителями, чтобы дать этим детям с чистыми глазами шанс на мечту.

С тех пор, если выдавалась возможность, он всегда лично приезжал на место, чтобы всё проверить, прежде чем тратить средства.

Ни один артист не занимался благотворительностью с таким упорством, как он, — словно это было его истинным призванием. Ибо, насколько знали фанаты, у Гу Уюаня не было крупных трат: машину и дом предоставляла компания, дорогую одежду давали спонсоры, а музыкальные инструменты на позднем этапе и вовсе делали на заказ — так что и эти расходы, похоже, ложились не на него. И при всём этом Гу Уюань, который должен был скопить изрядное состояние, не открывал ни фирм, ни магазинов, целиком посвящая себя року.

И подобно своей преданности року, его благотворительность имела лишь одно направление — дети.

Не то чтобы он их особенно любил — просто чувствовал, что его силы ограничены, и потому хотел сосредоточиться на чём-то одном. А дети — это будущее, и перемены должны начинаться с них.

Казалось, это было делом важным, ведь и его музыка духовно спасала многих, а эта деятельность спасала детей в куда более приземлённом смысле.

Но почему же он всё ещё во тьме?

Человек перед ним был его последней надеждой. Даже если не сможет вытащить — наверняка поймёт?

Пэн Цзэфэн поблагодарил за доверие к его работе:

— ...Спасибо.

Отчаяние, одиночество, печаль, напускная стойкость, робкая надежда, нежная энергия, окружённая страхом, — и всё это в бездне, из которой не выбраться.

«Он надеется, что я дам ему верёвку или просто выслушу голос из его бездны», — заключил про себя Пэн Цзэфэн.

— Тогда можно сначала задать вам вопрос? — сказал Гу Уюань.

— Пожалуйста.

— Как вы думаете, до чего может довести страх?

— Страх?

— Да, страх. Приведу пример?

— Прошу.

— Большинство людей... точнее, большинство живых существ при страхе отступают, но, если перепугаешься сверх меры, реакция может измениться. Вот змея нападает на человека, потому что чувствует угрозу, хотя её яд способен убить сотню таких созданий.

— Верно, — согласился Пэн Цзэфэн.

Гу Уюань горько и устало улыбнулся:

— Так же и я: мог бы запросто убить сотню таких, как он, а всё равно живу в страхе.

Увидев, что Пэн Цзэфэн не проявляет ни малейшего удивления, Гу Уюань, после короткой паузы, продолжил:

— Я думал, вы выделите слово «мог бы»...

— Думаю, в этом нет необходимости, — сказал Пэн Цзэфэн. *Потому что ты и сам об этом скажешь.*

Гу Уюань тихо рассмеялся. Знаменитый молодой психолог и впрямь был необычен: он принимал даже самые опасные намёки в его словах, возвращая инициативу обратно. Если бы он не был убийцей, то почти поверил бы, что и правда пришёл за помощью — раскрыть душу и тело для исцеления.

— Вы и вправду хороши. Но оставим самое интересное на потом, а то боюсь, вам будет не до моих слов.

— Как вам удобно.

— Как я уже сказал, моя жизнь теперь скучна, и это следствие моего ответа на страх. Не думаю, что я переступил черту, но многие так не поступили бы. Поэтому мне интересно: на ваш взгляд, до чего человек может дойти из-за страха, чтобы это ещё считалось оправданным?

— Я? В моих критериях нет пункта «оправданно».

— Разумеется, ваша натура не чета обычным людям. Окажись вы на моём месте, вы бы не мучились столько лет.

— У меня такое чувство, будто вы пришли не за избавлением от страданий... Вам, по сути, не нужно, чтобы я что-то делал, верно?

— Верно. Я уже справился сам. Но мне нужен тот, кто поймёт. Я так долго нёс это в одиночку, а в конце потерпел поражение и своими же руками похоронил будущее. Как я дошёл до такого — я хочу, чтобы кто-то понял это, понял мои чувства, прожитые на собственной шкуре.

— На девяносто процентов, — сказал Пэн Цзэфэн.

— Я верю вам. Тогда... могу я описать свои самые яркие ощущения?

— Я слушаю.

— Спасибо. Хм... как-то неожиданно. Так долго не было человека, перед которым можно выложить всё без остатка, и теперь не знаю, с чего начать... Наверное, лучше сначала объяснить, с чего всё началось?

— Если пока не готовы — не надо. Я сам могу восстановить картину.

— Ладно, тогда расскажу о самом мучительном. Я много лет живу в страхе, в бесконечном страхе. Он следует за мной по пятам, куда бы я ни пошёл, что бы ни делал — не избавиться. Я обращался к гипнотизёру, чтобы стереть те воспоминания, но стало только хуже — я даже не понимал, чего боюсь каждый день, так что пришлось память вернуть.

Начиная этот рассказ, Гу Уюань уже не был так спокоен и собран, как прежде. В нём появилась нервность, он то и дело делал мелкие движения. Левая рука сжималась в кулак, потом разжималась, но, кажется, разжатое положение причиняло ему дискомфорт, пальцы вновь сгибались, сжимаясь в кулак, и снова распрямлялись.

Он был явно не в себе, беспокойство проявлялось в каждой мелочи.

— Я здесь, не бойтесь, — сказал Пэн Цзэфэн.

Он ещё раньше убавил нагрев, и хого уже не клубился густым паром; лёгкая дымка не мешала им видеть друг друга. Услышав голос Пэн Цзэфэна, Гу Уюань шумно выдохнул, сделал несколько глубоких вдохов и взгляд его упал на Пэн Цзэфэна.

— Раз вы нашли меня, я буду защищать вас. При любых обстоятельствах.

Голос Пэн Цзэфэна сам по себе действовал успокаивающе, да и смысл сказанного помог — Гу Уюань понемногу приходил в себя. Дыхание ещё сбивалось, но уровень паники явно снизился.

Он крепко переплел пальцы рук и начал рассказывать дальше — о том, что было, и о том, что он чувствовал.

<http://bllate.org/book/16276/1465379>